

ИСТОРИЯ
РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ

Том I
Русское Православное
зарубежье до 1917 г.

Книга 1
Русское православное присутствие
на христианском Востоке.
X — нач. XX в.

УДК 27-9
ББК 86 372
И907

По благословению Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

ИС Р16–604–0129

Рекомендовано к публикации Ученым советом ИВИ РАН

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Евгений, архиепископ Верейский, А. О. Чубарьян (сопредседатели)
Николай Артёмов, прот., Николай Балашов, прот., А. Л. Беглов, М. В. Бибииков,
О. Ю. Васильева, А. А. Кострюков, А. И. Кузнецов, С. В. Мироненко, В. А. Москвин,
Лука (Мурьянка), архим., Евфимий (Моисеев), иг., Е. С. Токарева, Савва (Тутунов),
архим., Владимир Цуриков, прот., Владислав Цыпин, прот., Д. М. Шаховской,
М. В. Шкаровский, Н. Т. Энеева

Отв. редакторы 1 книги I тома М. В. Бибииков, Николай Балашов, прот.

Рецензенты И. П. Медведев, Валентин Асмус, прот.

Работа выполнена при поддержке РГНФ.

Проект № 10-01-00450

«Русское Православие в мире до революции 1917 года»

Издательский проект № 13-01-16041

ИСТОРИЯ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ. Том I.
И907 Русское Православное зарубежье до 1917 г. Книга 1. Русское право-
славное присутствие на христианском Востоке. X — нач. XX в. —
М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной
Церкви, 2016. — 592 с.

Вниманию читателя предлагается академическое исследование истории рус-
ского православного зарубежья, предпринятое в рамках тематического направ-
ления, посвященного изучению роли России в мировой истории и ее вкладу во
всемирное духовное наследие.

Первый том издания охватывает историю русского православного присут-
ствия в мире до 1917 г. Он выходит в трех книгах, первую из которых пред-
ставляет собой настоящий труд. Его тема — русское православное присутствие
на христианском Востоке, географическое измерение которого включает в себя
Ближний Восток и сопредельные ему территории, на которых расположены три
основные исторические святыни Православия — Святая Земля, Афон и Кон-
стантинополь. Структура книги обусловлена хронологией русского присутствия
у этих святынь.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2016
© ИВИ РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

ISBN 978-5-88017-539-0 (общ.)
ISBN 978-5-88017-537-6

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к изданию. М. В. Бибииков, Н. Н. Лисовой, Е. С. Токарева, М. В. Шкаровский, Н. Т. Энеева	7
Введение к первому тому. А. В. Назаренко	40

ЧАСТЬ 1

РУССКОЕ ДУХОВНОЕ ПРИСУТСТВИЕ НА ЗЕМЛЯХ ПРАВОСЛАВНЫХ ВОСТОЧНЫХ ЦЕРКВЕЙ. IX — начало XX в.

ГЛАВА I. Русь и Византийский мир. IX–XV вв. М. В. Бибииков	55
I. Источники по истории русского присутствия в Византии в IX — первой половине XV в.	55
II. Русско-византийские контакты и образ Руси в византийской традиции IX — середины XV в.	62
III. Росы в Византии в IX–X вв. и Крещение Руси	78
IV. Русские иерархи в Царьграде. Церковные взаимоотношения Византии и Руси	84
V. Паломничества из Руси в Царьград IX–XV вв.	95
ГЛАВА II. Восточный вопрос в русской политике в XVI — начале XX в. Л. А. Герд	118
I. Константинополь и Балканы в XVI — начале XX в.	118
1. «Москва — Третий Рим»	119
2. Восточный вопрос в XVIII в.	123
3. Россия и православный Восток в XIX в.	125
4. Россия, великие державы и Османская империя в конце XIX — начале XX в.	130
II. Россия и Константинопольский Патриархат в XIX — начале XX вв. ...	135
1. Русская имперская идея — панславизм или неовизантизм?	135
2. Греческая Великая идея	142
3. Танзимат и реформы в Константинопольском Патриархате	145
4. Вопрос об именах Восточных Церквей и монастырей в Молдавии, Валахии и Бессарабии	148

5. Борьба за права и преимущества Константинопольской Церкви (1880–1900-е годы)	151
6. Русские духовные представители в Константинополе	154
7. Русские общины в Османской империи (Турции). <i>М. В. Шкаровский</i> ..	158
III. «Мирликийское дело»	173

ЧАСТЬ 2

ИСТОРИЯ РУССКОГО АФОНА

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

до 1917 г.

ГЛАВА I. Русский Афон XI — нач. XV вв. <i>М. В. Бибииков.</i>	185
I. Архивы Афона и Русь	189
Русский монастырь св. Пантелеимона	199
Хиландарский монастырь	201
Дионисиев монастырь	203
Дохиарский монастырь	203
Эсфигменский монастырь	204
Иверский монастырь	205
Лавра св. Афанасия	206
Афонский Протат	208
Ватопедский монастырь	209
Ксиропотамский монастырь	209
Обитатели, скиты, келлии	210
II. Документы о земельных владениях русского монастыря и просопографические данные о русских на Афоне в XI–XII вв.	211
III. Русское паломничество на Афон в XI–XIV вв.	217
IV. Русские обитатели на Афоне в XI–XIV веках. <i>Н. Т. Энеева</i>	220
Русский монастырь Богородицы Ксилурга	220
Монастырь святого великомученика Пантелеимона. Старый или Нагорный Руссик	222
ГЛАВА II. Русская Церковь и Святая Афонская Гора в XV — начале XX в. <i>М. Г. Талалай, при участии О. А. Родионова, Л. А. Герд и др.</i>	227
I. XV–XVI век	227
1. Преподобные Нил Сорский и Максим Грек	227
2. Русский Пантелеимонов монастырь	228
II. XVII век	232
1. Сборы пожертвований в России	232
2. Исправление книг и миссия Арсения (Суханова)	235
III. XVIII век	238
1. Запустение Руссика	238
2. Помощь для обитатели	240
3. Перенос обитатели святого вмч. Пантелеимона на новое место	241
4. Миссия прп. Паисия (Величковского) и начало русского Ильинского скита	242

IV. XIX век	248
Ильинский скит	250
1. Первая половина XIX в.	250
2. Паисий-«Второй»	256
3. Скит во второй половине XIX в.	260
4. Преподобный Гавриил и его преемники	262
Пантелеимонов монастырь	267
1. Первая половина XIX в.	267
2. Эпоха игумена Макария (Сушкина)	276
3. Преемники великих старцев	282
V. Афон и Россия на рубеже XIX–XX веков. <i>Л. А. Герд</i>	283
1. Русский Афон глазами современников.	283
2. Афон и Вселенская Патриархия. Патриарх Иоаким III	284
3. Позиция Российского МИДа	288
4. Русский Афон в первые годы XX в.	291
5. За пределами Св. Горы. Афонские монахи в Дечанском монастыре ...	294
6. Русские монахи в Сирии	298
VI. Начало XX века	299
1. Попытки реформ на Афоне и российская дипломатия	299
2. Вхождение Афона в состав Греции	302
3. Афонская «смута»	309
4. Афон и Первая мировая война	314

ЧАСТЬ 3

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПАЛЕСТИНЫ.

IX — начало XX в.

ГЛАВА I. Святая Земля и Русь в IX–XVI вв. <i>М. В. Бибииков.</i>	321
I. Начало «Русской Палестины»	321
II. Русское освоение христианского Востока	336
III. Укрепление связей Москвы с Иерусалимом и другими Патриархатами Востока (XVI в.)	356
ГЛАВА II. Русское Православие в Святой Земле в XVII — нач. XX вв. <i>Н. Н. Лисовой</i>	378
I. Введение	378
II. Русско-палестинские церковные связи в XVII в.	385
III. Россия и Святая Земля в XVIII столетии	394
IV. Русское православное присутствие в Святой Земле в XIX — нач. XX в. .	407
— Палестинский комитет и «Русские постройки»	411
— Русская Палестина архимандрита Антонина (Капустина)	421
V. Деятельность в Святой Земле Императорского Православного Палестинского общества (1882–1914)	434
1. В. Н. Хитрово и создание ИППО	434
2. Архитектурно-строительные проекты ИППО в Святой Земле	441
— Церковь св. Марии Магдалины	441

— Сергиевское подворье (1886–1889)	449
— Александровское подворье (1887–1891)	465
— Николаевское подворье,	478
— Игумен Вениамин и Вениаминовское подворье в Иерусалиме (1891)	478
— Назарет	483
3. Некоторые данные из паломнической статистики ИППО	484
4. Гуманитарно-просветительная деятельность ИППО в Святой Земле	493

ПРИЛОЖЕНИЕ *Н. Т. Энеева*

1. Андреевский скит	504
2. Братство русских обителей (келлий)	522
Сокращения	530
Источники иллюстраций	531

УКАЗАТЕЛИ *Сост. А. Б. Ванькова*

Именной указатель	533
Этно-географический указатель	553
Предметный указатель	569

Предисловие к изданию

Существенной частью современного мирового сообщества является обширная русская диаспора. Русские, проживающие вне России и сохраняющие при этом свою русскую идентичность, являются посредствующим звеном во взаимодействии русской и иных мировых культур. Ценностные ориентиры диаспоры оказывают влияние на таковые на родине и в странах-реципиентах.

Традиционно русская диаспора в большинстве своём позиционировала себя как православная. Это было связано как с доминирующим официальным вероисповеданием Российского государства, так и с личным выбором большинства его представителей за рубежом. Особую актуальность вопрос вероисповедания приобрёл в XX веке, в послереволюционный период, когда за короткий срок Россию покинуло несколько миллионов человек и русское присутствие в мире приобрело новый масштаб. Задача сохранения национальной и культурной общности в инонациональной и инокультурной среде требовала для своего решения опоры на духовные реалии, способные сохранять нацию и противодействовать ее обезличиванию в чуждом контексте. В то же время русское общественное сознание всегда стояло выше узконациональных интересов, видя свою роль в истории в сохранении лучшего общечеловеческого духовного достояния, в служении всему человечеству. Традиционным для российского общественно-политического мышления было осознание миссии России в мире как наследницы и продолжательницы дела Константина Великого — покровительства христианству, защиты и объединения христианских народов, — для чего существовали веские исторические основания.

Становление российской государственности неразрывно связано с Крещением Руси святым равноапостольным великим князем Владимиром в 988 г. Образование государства сопутствовало рождению субъекта новой православной цивилизации — русского народа. Крестившиеся массы людей, ощущавшие себя до того частью различных славянских племён, осознали себя единым целым, объединённым общей жизненной целью, общей нравственной задачей. По словам святителя Московского Филарета (Дроздова), государство есть «союз свободных нравственных существ,

соединяющихся между собою, с пожертвованием частью своей свободы, для охранения и утверждения общими силами закона нравственности, который составляет необходимость их бытия. Законы гражданские суть не что иное, как применение к особым случаям истолкования сего закона, и ограды, поставленные против его нарушения»¹. Возникновение народа и государственности на Руси как прямое следствие христианизации и воцерковления в конце IX–X вв. восточнославянских племен, населявших среднерусскую равнину, имело, в свою очередь, следствием то, что религиозная интуиция стала основным фактором национальной самоидентификации русских, а охранение и создание условий для духовной самореализации стало основной целью их государственности.

Крестившись, Русь вошла в семью христианских народов, стала полноправным субъектом международной политики и мировой истории. Православие было воспринято Россией не только как личное дело каждого отдельного человека, но и как государственное и общественное служение, принятое от Византии. По мере укрепления и роста Российского государства восточные патриархи вводили в богослужение поминовение русских царей тем же чином, что и прежде — византийских императоров. И в дальнейшем Российская империя позиционировала себя правопреемницей империи Византийской в деле сохранения православной веры общим достоянием многих народов, как входящих в Империю, так и ищущих ее покровительства.

Первой и естественной сферой внимания русских за пределами собственно Руси была Святая Земля, которая бытовала в русском сознании как регион библейско-византийский, откуда в духовном смысле «есть пошла Русская земля». В его ареале находятся христианские святые места: с Иерусалимом и Вифлеемом связано обретение Евангелия, с Константинополем — Византия, Восточная Римская империя, православное царство; с Афоном — глубокая традиция православной духовной культуры. Ближний Восток столетиями существовал в русском народном восприятии как фон самоосуществления культуры, как не только географический, но и смысловой горизонт, в виду которого созидалась и осуществлялась история России. Постоянное чувство исторической и духовной связи России со сферой библейско-византийского региона в разные эпохи принимало разные общественно-политические и идейные формы: от принятия на себя русским государством функции защиты христианского населения Ближнего Востока до концепций в духе «Греческого проекта» Екатерины Великой, который подразумевал содействие восстановлению самостоятельного православного греческого государства с Константинополем во главе.

¹ Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне. 1813 год // Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. М., 1994. С. 313.

С падением Византии в 1453 г. бедствовавшие под турецким владычеством восточные Патриархаты стали получать от России щедрую материальную и дипломатическую помощь; сами патриархи приезжали в Москву за сбором пожертвований: Иерусалимские Феофан в 1619 г. и Паисий в 1649 г., Антиохийский Макарий в 1655 г., Константинопольский патриарх Афанасий, причисленный позднее к лику святых, в 1650 г. В XIX столетии в Москве для тех же целей были открыты Александрийское, Антиохийское и Иерусалимское подворья. В свою очередь на территории Османской империи покорённые ею христианские народы (греки, болгары, сербы, армяне, арабы) могли рассчитывать на помощь от притеснений исповедованию своей веры преимущественно в русских дипломатических представительствах.

Начиная с эпохи Петра Великого тема святых мест становится непременной частью русских дипломатических переговоров и договоров, целью которых было прежде всего получение гарантий свободного и безопасного доступа православных к христианским святыням Ближнего Востока. В то же время именно Петр I акцентировал проблему защиты христианского населения Турции всех национальностей — принцип, которого Российская империя придерживалась до переломных событий 1917 г. После серии успешных для России русско-турецких войн возрос авторитет России среди поработанных иноверными православных народов Балкан и Ближнего Востока; Россия получила право защиты и покровительства православному населению Османской империи на уровне официальных международных договоров.

Начиная с 40-х годов XIX века положение православия на Святой Земле было осложнено начавшейся в эти годы активной миссионерской деятельностью католических и протестантских стран Западной Европы. В 1841 году в Иерусалим направляется протестантский епископ, в 1847-м — латинский патриарх Иерусалима. В этих условиях потесненным в сферах своего влияния восточным Патриархатам была особенно необходима поддержка православной Российской империи.

В то же время следует подчеркнуть, что проблема русского церковного присутствия на Востоке была из разряда сугубо деликатных. Нужно было не только противостоять в дипломатическом и культурном соперничестве европейским державам, не только подтверждать постоянно словом и делом перед турецкими властями отсутствие с русской стороны каких-либо империалистических поползновений, но и строго блюсти церковно-каноническую норму отношений с древними Патриархатами. Любой неосторожный, хотя бы и вполне доброжелательный по намерениям жест мог быть истолкован как вмешательство в дела иной автокефальной Церкви. При этом Россия никогда не рассматривала Палестину или Сирию как плацдарм колониальной агрессии, предмет каких-либо военно-политических амбиций. Никакая ухищренная аргументация послов Римского престола, Германской империи, других держав,

а мы знаем — со времен великого князя Ивана III — немало таких дипломатических попыток, ни разу не смогли завлечь Московское княжество, как затем и Московское царство, и Российскую империю, на путь «кrestoносных» или иных геополитических авантюр.

Непосредственная связь с историческими святынями осуществлялась не иссякавшим со времён Крещения Руси потоком русских паломников на Ближний Восток, Афон, Патмос. Возвращаясь, они распространяли в народе рассказы о христианском Востоке, о хранящихся там преданиях, о чудесах, разносили привезённые реликвии, вещественные свидетельства реальности своего путешествия, и были необходимыми участниками народной жизни, без которых невозможно представить себе традиционный русский уклад. Поток паломников шёл, как правило, через Константинополь. В самом Константинополе и его окрестностях к началу XX века существовало семь русских храмов. В основном это были посольские церкви, а также церкви при подворьях русских афонских обителей, служивших приютом для путешественников, направляющихся к различным святыням древней христианской ойкумены.

Главным центром притяжения русских людей на Ближнем Востоке была Палестина — «Святая Земля» — место жизни Спасителя. «Самым родным, самым святым для себя местом на земном шаре русские люди считают “Матерь Церквей, Божие жилище”, т.е. Святой Град Иерусалим», — писал на рубеже XIX–XX столетий один из русских святителей¹. Стихийное стремление простого народа из России в Палестину привело со временем к возникновению феномена «Русской Палестины» — сети принадлежавших России участков с русскими православными храмами, подворьями, благотворительными учреждениями. На протяжении XIX века трудами русских духовных лиц, дипломатов, благотворителей, учителей, строителей при неизменной поддержке и участии Царской фамилии были созданы Русская Духовная Миссия в Иерусалиме (1847) и Императорское Православное Палестинское общество (1882) с подведомственными ему учреждениями, духовная и просветительская деятельность которых имела исключительное значение не только для русских поклонников в Святой Земле, но и для местного христианского населения. В графу устава ИППО «поддержка православия в Святой Земле» включались прямая финансовая помощь иерусалимским патриархам, строительство храмов в местах компактного проживания православных с последующим их обеспечением всем необходимым, дипломатическая помощь в противостоянии Патриархии как турецким властям, так и инославному внедрению и др.

Русское строительство в Палестине во второй половине XIX — начале XX в. осуществлялось в сложных условиях — без дорог и инфраструктур, без подготовленной рабочей силы. Тем не менее в 1860–1864 гг.

¹ *Архиепископ Антоний (Храповицкий)*. «Чей должен быть Константинополь?» // *Религии мира: История и современность*, 2002. М., 2002. С. 198–199.

в Иерусалиме был создан квартал Русских построек, удовлетворявший требованиям современного города, с необходимыми инженерными службами. В ансамбль Русских построек вошли Троицкий собор — главный храм Русской Палестины, двухэтажное здание Русской Духовной Миссии, здания Елизаветинского (мужского) и Мариинского (женского) подворий, дом консула и Русская больница. Накануне Первой мировой войны Русская Духовная Миссия в Иерусалиме имела 37 участков, 8 храмов, два монастыря — Горненский и Елеонский, 11 подворий и несколько молитвенных домов. В свою очередь, русское Палестинское общество в начале XX века имело в Святой Земле 26 земельных участков, 8 подворий на 10 тысяч паломников, помимо больницы — шесть лечебниц для приходящих больных. Имущество ИППО в Палестине оценивалось почти в два миллиона рублей.

Неоценим научный вклад Императорского Православного Палестинского общества в мировое востоковедение. Сотнями исчисляются его дореволюционные издания по палестиноведению. Огромный вклад русские внесли в археологию Святой Земли. Близ храма Воскресения Христа в Старом Городе был открыт Порог Судных Врат, через который Христа вели на Голгофу. Позднее над этим местом было воздвигнуто Александровское подворье Императорского Православного Палестинского общества с храмом во имя святого Александра Невского, освященным в 1896 г. Назначенный в 1865 г. начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме выдающийся российский церковный и культурный деятель архимандрит Антонин (Капустин) вел большую работу по исследованию и приобретению в русскую собственность целого ряда археологических памятников, связанных с событиями Ветхого и Нового Завета (раскопки на Елеоне, в Иерихоне и др.). Архимандритом Антонином был также куплен участок с так называемой «Гранатовой» пещерой (Румманийе) в Кедронской долине, приобретенный 15 февраля 1866 г., и участок в Бет-Джалле, близ Вифлеема (там будет со временем построено здание Бет-Джалльской женской учительской семинарии с образцовой начальной школой при ней), оформленный 27 марта 1866 г. в Хевроне (с Мамврийским дубом, 1868; ныне — Хевронский Свято-Троицкий монастырь в юрисдикции Московского Патриархата), в Яффе (1869; ныне — монастырь святого апостола Петра, в юрисдикции Московского Патриархата), в Айн-Кареме (1871; ныне — Горненский Казанский женский монастырь, в юрисдикции Московского Патриархата), на Елеоне (1871; ныне Русский Вознесенский монастырь, в ведение Русской Зарубежной Церкви), в деревне Силоам («Могила дочери фараона», 1873), в Иерихоне (1874; в январе 2000 г. возвращен Русской Православной Церкви) и др.

Особую сторону присутствия русских в Святой Земле составляла образовательная деятельность. Впервые идея о необходимости организации систематического православного образования для местных

арабов-христиан была высказана первым начальником РДМ в Иерусалиме архимандритом (позднее епископом) Порфирием (Успенским), открывшим в 1849 г. первое греческо-арабское училище. Одновременно им же налажена была и издательская деятельность благодаря открытию собственной типографии Миссии. Продолжить дело и заботу Порфирия (Успенского) о просвещении православных арабов Палестины в полной мере смогло Императорское Православное Палестинское Общество. Первая из школ была открыта ИППО в селении Муджедиль в 1882 г., то есть уже через полгода после создания Общества. Затем открываются начальные школы в эр-Рама (Рама), в Кафр-Ясифе, начальная школа для мальчиков в селении Саджара. Таким образом, уже в ближайшие два года после начала деятельности Общества в Галилее возникла сеть православных школ. В 1907 г. ИППО принадлежало уже 101 учебное заведение с 10 400 учащимися.

Крупнейшим центром взаимодействия цивилизаций средневековья был, конечно, Афон, который называли «духовною столицей христианства»¹. Древнерусское предание XVI в. приписывает честь основания русской монастырской жизни на Святой Горе св. равноапостольному великому князю Владимиру, вскоре после его крещения в 998 г. Первоначально русский монастырь находился в обители Богородицы Ксилурга (Древодела). Однако вскоре в результате роста численности братии монастырю стало тесно, и в 1169 г. Священный Кинот Афона выделяет для поселения русским монахам заброшенный к тому времени монастырь Солунца (Солунцев), посвященный св. Пантелеимону. Последовавшая затем семивековая история русского монашества на Святой Горе связана с этим местом, называемым ныне «Старый Руссик» и находящимся на пути в афонскую столицу Карею. На месте же обители Древодела был основан скит во имя Пресвятой Богородицы.

В 1394 г. монастырь св. Пантелеимона занимал пятое место в иерархии афонских обителей. В XIV–XV вв. братия пополнялась за счет греческих монахов, но с 1497 г. сюда вновь начинают прибывать монахи из России. С 1509 г. покровителем Русского монастыря на Афоне стал великий князь Московский Василий III — сын византийской принцессы Софьи (Зои) Палеолог. С конца XVI в., по разрешению патриарха Иова (1591 г.) и русского царя Феодора Иоанновича (1592 г.), собирались пожертвования в России в пользу монастыря. Но в условиях иноземного владычества обитель приходит в упадок и с конца XVII в. попадает под опеку Священного Кинота. В 1765 г. монастырь переходит на новое, занимаемое им и донныне, место на Святой Горе, где еще в конце XVII в. епископ Христор построил келью, небольшой храм и причал.

Новый приток монахов из России начался в 1835 г. Возрождению обители способствовали и регулярные посещения Руссика членами

¹ Архиепископ Антоний (Храповицкий). «Чей должен быть Константинополь?» // Религии мира 2002. М., 2002. С. 198–199.

Царской семьи (в 1845 г. — великим князем Константином Николаевичем, в 1867 г. — великим князем Алексеем Александровичем, в 1881 г. — великим князем Константином Константиновичем). К началу XX в. число русских монахов на Афоне достигло 5 тысяч человек, из которых 2 тысячи находились в Русском Пантелеимоновом монастыре. Ежегодно обитель принимала до 30 тысяч паломников из России. Современниками неоднократно отмечалась особая устремленность простого русского народа на Афон и неизменный успех афонских сборщиков пожертвований в России. Секретарь константинопольского посольства писал: «Вопрос: нужен ли Афон православному народу русскому? — решает сам народ, не спрашивая кабинетных соображений наших, а прямо высылая на Афон свою деятельную силу, свою трудовую копейку»¹.

Константинопольский патриарх Иоаким III в 1891 г. так описывает жизнь русских на Афоне в период расцвета их деятельности там: «На каком бы месте Афона русские ни заняли келлии или места, они тотчас стараются <...> умножать число монахов и перестраивать все здания и церкви, дабы придать им русский вид. Так, о. Иероним нашел приют в монастыре Св. Пантелеимона с 15 русскими монахами, а через 35 лет число их возросло до тысячи... Архимандрит Виссарион с семью учениками приехал из Киева и занял Ватопедскую келлию св. Андрея, а через 40 лет эта келлия превратилась в прекраснейший скит, превосходящий благолепием все монастыри, число же братии возросло до четырехсот. <...> В русских обителях господствует порядок; все идут на зов настоятеля, являются с послушностью и покорностью, работают с самоотвержением, не вмешиваются в мирские дела. Старшие усердно стремятся к приумножению имущества, получая богатую милостыню из России (ежегодно до 200 тыс. лир, т.е. 1 миллион рублей). На эти средства в течение 40 лет воздвигнуты русскими обителями великолепнейшие здания, храмы, подворья; ризницы и кладовые их можно назвать царскими, амбары наполнены хлебом, вином, елеем и всякими благами. Внушительное число монахов, величие храмов, примерное гостеприимство и щедрая раздача милостыни привлекают к русским обителям»².

Другим направлением распространения зарубежного присутствия Русской Православной Церкви была Западная и Центральная Европа. Если на Ближнем Востоке, на канонических территориях восточных православных Патриархатов Русская Церковь была погружена во внутренние проблемы «православной ойкумены» (совместного свидетельства, братского общения и выживания в иноверном окружении), то в Европе она находилась на территории христианских, но инославных государств — католических и протестантских, и ее присутствие здесь имело ярко выраженную дипломатическую окраску. Прежде всего оно обуславливалось дипломатической деятельностью России, являясь ее неременным

¹ АВПРИ. Ф. СПб ГА II–9. Оп. 47. Д. 8. Л. 6 об–7.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 61. 2 отд. 3 ст. Д. 146. Л. 8–12.

сопровождением: домовые храмы при посольствах устраивали для самих русских дипломатических сотрудников и их семей, поскольку российские послы были людьми, как правило, православными. С другой стороны, посольский храм был свидетельством о конфессиональной принадлежности страны, в чем заключалась его главная дипломатическая роль. Россия позиционировала себя именно как православная держава, и в своих мотивациях выступала именно от лица Православия. Строительство русского православного храма в Европе было делом почти всегда государственной важности, поэтому значительная часть русских западноевропейских храмов была построена непосредственно на деньги русской императорской фамилии или при ее крупных финансовых вложениях и под ее покровительством.

Элитарный характер высокопоставленных и по-европейски образованных в большинстве своем прихожан таких храмов — царская фамилия, блестящая аристократия, дворянство, творческая интеллигенция (писатели, художники), учащиеся, — накладывал, конечно, свою печать и на характер русского церковного строительства в Европе. В значительной мере светской была публика, приезжавшая лечиться на западноевропейские курорты в Германию, Австро-Венгрию, Италию, Францию: в Карлсбад, Мариенбад, Карловы Вары, Сан-Ремо, Мерано, Ниццу. На Запад переезжали представители русской аристократии, настроенной «прозападно». Тем не менее факты говорят о том, что и для большинства из них самоидентификация была связана с Православием, с церковью и богослужением. Создавая для себя домовые часовни, строя, если позволяли обстоятельства, каменные храмы, русские невольно становились свидетелями о православии в Европе, что содействовало интересу и симпатии к православию среди инославных европейцев уже в XX веке.

Поводы для строительства храма или часовни обуславливались самой жизнью. Важную роль в возведении русских церквей в Западной Европе играли междинастические браки. Традиции русского православия на западе Европы уходят корнями к браку Анны Ярославны (дочери Ярослава Мудрого) в XI в. с французским королем. Русский императорский дом после Петра I находился в тесных родственных связях с царствующими европейскими династиями. Часто строительство храма или часовни было связано с тем или иным радостным или горестным событием в жизни царской семьи. Так, первым русским храмом на территории Австро-Венгрии была церковь св. мц. Александры вблизи Будапешта, возведенная над гробницей старшей дочери императора Павла I великой княгини Александры Павловны (1783–1801), выданной за эрцгерцога Австрийского Иосифа-Антоня Габсбурга. Другая дочь Павла I, вел. кн. Екатерина Павловна (1788–1819), вышедшая в 1816 г. замуж за Фридриха-Вильгельма, будущего короля вюртембергского и рано скончавшаяся, за недолгие три года успела так много сделать для бедного населения Штутгарта, что основанные ею больница, ремесленные школы для

бедняков и воспитательное заведение до сих пор носят ее имя. Она была похоронена, в соответствии с ее пожеланием, на высоком холме Ротенберг, где была специально для этого воздвигнута православная церковно-усыпальница во имя св. Екатерины. Большая церковь-усыпальница была выстроена над г. Висбаденом по поводу кончины при родах вел. кн. Елизаветы Михайловны (1826–1845), племянницы императоров Александра I и Николая I, которая в 1844 г. вышла замуж за герцога Адольфа Нассауского. Пятиглавый храм в русском стиле строился семь лет и был освящен в 1855 году. При нем — русское кладбище. Этот комплекс с приходским домом и лесным участком был затем приобретен на личные средства царем-мучеником Николаем II и до сего дня играет большую роль в составе Германской епархии. В Германии в дворцах и замках вышедших замуж за герцогов русских великих княгинь действовало около 10 православных церквей: в Киле (1727–1801), Штутгарте (1776–1892), Людвигслюсте (1800–1808), Веймаре (1804–1862), Ремплине (1859–1936), Карлсруэ (1865–1914), Шверине (1884–1904), Кобурге (1893–1940-е), Готе (1895–1905), Зееоне (1910–1930-е) и др.¹ Православные храмы в Европе создавались и для европейских принцесс, вышедших замуж за русских царей и великих князей и перешедших в связи с этим в православие: навещая своих родных в Европе, члены русской императорской семьи желали молиться в православных храмах. Это были домовые дворцовые храмы, не открытые для широкой публики. Так, в Штутгарте в разное время было пять русских православных церквей, первая из которых была создана в 1776 г. для матери великих княгинь Александры и Елены Павловны — императрицы Марии Федоровны, до замужества вюртембергской принцессы Софии-Доротей². В 1897 г. семейный храм Романовых был заложен в немецком Дармштадте, родном городе императрицы Александры Федоровны и ее сестры великой княгини Елизаветы Федоровны. Он был освящен во имя св. равноапостольной Марии Магдалины в память другой уроженницы Дармштадта — супруги императора Александра II императрицы Марии Александровны.

В XIX — начале XX в. в Европе начинают активно строиться отдельно стоящие каменные русские церкви. Выразительным свидетельством о самом духе православной веры становилась замечательная архитектура русских храмов, проекты которых создавались лучшими русскими зодчими, такими как А. В. Щусев, М. Т. Преображенский, Л. Н. Бенуа. Православные храмы Европы стали своего рода ответом России на проникновение в нее европейской духовной и художественной культуры со времен Петра Великого. Как бы в обмен на экспансию в русское искусство западноевропейских стилей (барокко, классицизм, рококо, ампи́р), происходившую

¹ Ebd., S. 50; Seide G. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Diözese. München, 2001. S. 88.

² Seide G. Die russische Kirche zu Ehren des Hl. Nikolaus des Wundertäters. München, 1989. S. 2.

весь XVIII и начало XIX в., Россия строила свои храмы в Европе в традиционных русских допетровских формах¹ — в стилях нарышкинского барокко конца XVII в., Московской Руси XVI в. и даже псковско-новгородской домонгольской архитектуры (например, паломнический комплекс в Бари архитектора А. В. Щусева). Так выстраивался «диалог» русской и западно-европейской культур, шло их взаимное обогащение. И Европа усваивала себе эти реплики русской культуры, они стали неотъемлемым достоянием ее городов, местными достопримечательностями, определяющими подчас «лицо города». Таковы русские храмы Рождества Христова во Флоренции, святителя Николая Мирликийского в Ницце, святой равноапостольной Марии Магдалины в Дармштадте, святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Карловых Варах и др. В то же время православный русский храм оставался презентацией России и был открытым к общению свидельством о вере, то есть о лучшем духовном достоянии страны.

Россия, понимаемая как Евразия, — это страна, распространившаяся на два континента; российский двуглавый орел простирает свои крылья и на Запад, и на Восток. Если на Ближнем Востоке Русская Церковь контактировала с Церквями-Сестрами и задача была в их защите и освобождении, если в Европе католической и протестантской она только присутствовала в инославном окружении, то на Среднем и Дальнем Востоке русские имели дело с миром язычества; здесь вставал вопрос о просвещении местных жителей светом христианской истины, то есть решалась собственно миссионерская задача. Миссионерская деятельность сопровождала освоению русскими Сибири и Дальнего Востока. Новокрещенные народы присоединялись к Российской империи, становились ее полноправными гражданами. Россия, такая, какой она пришла к 1917 году, и есть, в сущности, плод этой колоссальной миссионерской работы. Но там, где русские сталкивались с иной, самобытной цивилизацией, основанной на древних мировых религиях, там начиналось другое государство и очерчивалась внешняя граница страны. Миссионерская деятельность России на ее восточных рубежах косвенным образом становилась и одной из мер ее безопасности, так как, вступая в диалог с окрестными народами, находя с ними взаимопонимание, русские смягчали риск взаимных конфликтов.

За пределами Российской империи духовные лица, военные и дипломаты действовали заодно. Их служение демонстрирует сотрудничество замечательных русских людей, движимых одной идеей: делать добро, нести спокойствие, защиту и просвещение — духовное и культурное, цивилизуя нравы, приобщая народы к гуманистическому наследию христианства.

Первой русской православной миссией за пределами территории России была Русская Духовная Миссия в Китае, открытая в Пекине в 1715 г.

¹ За редкими исключениями: так, придворный архитектор австрийского двора Джованни Салуччи спроектировал надгробную часовню для Александры Павловны в виде античной ротонды.

Помимо чисто богослужебных функций на нее были возложены дипломатическое и научное послушания. На протяжении 150 лет (1715–1864) Русская Духовная Миссия в Пекине играла роль неофициального дипломатического представительства России в Китае, в том числе в те годы, когда ни одна страна не имела там своего посольства. Только в 1863 году, после того как было открыто подчинявшееся российскому МИДу русское дипломатическое посольство в Пекине, с Духовной Миссии была снята дипломатическая функция и сама она была передана в ведение Синода. Одновременно Миссия являла собой и замечательное научное учреждение, в котором подвизались выдающиеся русские ученые. Во исполнение замысла Петра I в Пекин посылались способные ученики духовных учебных заведений для овладения китайским и маньчжурским языками с целью подготовки их к дальнейшей проповеднической, дипломатической и научной деятельности. За 200 лет сотрудниками Миссии была проведена огромная работа по переводу богослужебной, катехизической, святоотеческой литературы на китайский язык. Позднее эти переводы облегчили труд русских миссионеров, работавших среди других народов Дальнего Востока, родственных китайцам по иероглифической письменности: японцев, корейцев, маньчжуров. В конце XIX в. начальник 16-й миссии архим. Флавиан (Городецкий) получил официальное разрешение вести богослужение на китайском языке. Третьей задачей, поставленной перед Миссией при ее учреждении, была проповедь Православия среди собственно китайского населения. Ее выполнению способствовал Тяньцзинский договор 1858 года, по которому иностранным проповедникам разрешалось вести миссионерскую деятельность среди китайцев, в том числе и за пределами Пекина. И на этом поприще русские миссионеры действовали успешно, заложив своими проповедническими трудами основу для создания в будущем Китайской Поместной Церкви. Первое же испытание показало твердость веры новообращенных китайцев: во время восстания ихэтуаней 1900 года за исповедание Православия были замучены 222 православных китайца, причисленные позднее к лику святых мучеников. В 1903 г. их мощи были торжественно обретенны и перенесены в храм, посвященный их имени¹. К 1917 г. Миссии принадлежали мужской и женский монастыри в Пекине, 19 церквей, 3 часовни, 5 кладбищ, Крестовоздвиженский скит в горах Сишань, 32 миссионерских стана (один из них в Монголии), семинария в Пекине, 21 школа, богадельня, библиотека, художественная мастерская и училище, метеорологическая станция, типография, молочная ферма, фабрика по разведению шелковичных червей, ткацкая фабрика, электростанция и многое другое. Миссия имела подворья в России и Китае (Петербурге, Москве, Маньчжурии, Харбине, Дайрене). Капитал миссии приближался к 1 млн. рублей. В таком подъеме Православная церковь в Китае подошла к 1917 г.,

¹ В 1997 г. Русской Православной Церковью было восстановлено почитание в лике местночтимых святых сщмч. Митрофана (Цзи) и 221 китайца, в Китае пострадавших.

благодаря чему Китай смог впоследствии стать одним из основных центров русской послереволюционной эмиграции.

Учреждение в 1870 г. Российской Духовной Миссии в Японии, последовавшее затем крещение десятков тысяч японцев, строительство по всей стране православных храмов, начиная со знаменитого кафедрального собора в Токио Николай-до — это «японское православное чудо» обязано своим существованием, безусловно, прежде всего необыкновенному миссионерскому дару и жизненному подвигу просветителя Японии святого равноапостольного архиепископа Николая (Касаткина). В разные периоды сотрудниками свт. Николая Японского были выдающиеся пастыри: архимандрит Андроник (Никольский), будущий пермский архиепископ и священномученик, архимандрит Сергей (Страгородский), будущий Патриарх Московский и всея Руси, епископ Сергей (Тихомиров), будущий глава Миссии. Однако главным залогом успеха Российской Духовной Миссии в Японии стало то, что святителю Николаю удалось создать действенную систему катехумената, при которой сами новообращённые японцы совершали оглашение своих сограждан. Первые же крещённые в 1868 г. святителем Николаем японцы — Павел Савабе, Иоанн Сакаи и Иаков Урано — стали ревностными проповедниками. А уже с 1874 г. стало возможным созывать ежегодный Собор Японской Церкви. Соборами же назначались катехизаторы, которые получали жалованье от Российской Духовной Миссии и ежегодно отчитывались перед следующим Собором за свою работу. Благодаря их деятельности были созданы общины православных верующих в разных частях страны. Когда позднее святитель Николай слышал жалобы инославных миссионеров на прагматизм японцев, идущих в христианские школы «исключительно для образования», он с гордостью отвечал: «Наша Церковь... воздвигнута японцами же»¹.

История Православия в Персии представляет собой одну из наиболее драматичных страниц в истории распространения Православия в мире. Русские миссионеры пришли сюда в конце XIX в. по настойчивым просьбам местного населения — персидских несториан — перевести их в православие. С точки зрения конечного результата это было как будто одно из наиболее неуспешных русских предприятий: Первая мировая война и последовавшая за ней революция в России свели почти на нет усилия русских миссионеров привить православную духовность на этой земле, так как десятки тысяч принявших Православие персидских ассирийцев были в большинстве своём вырезаны турками в ходе Первой мировой войны. Однако если успехом считать степень усвоения просвещаемым народом христианской проповеди, то можно считать, что русская миссия в Урмии была из самых значительных, так как православные ассирийцы погибали как мученики, отказываясь отречься от Православия и перейти

¹ Дневники святого Николая Японского: В 5 т. / Сост. К. Накамура. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 2. С. 414.

в ислам, что сохранило бы им жизнь. Урмийская миссия вела большую просветительскую и научную работу. В ее ведении находилось около 60 православных школ; русскими миссионерами было создано епархиальное училище для воспитания собственных сирийских преподавателей и местной интеллигенции. Работниками Миссии велись исследование сирийской церковной истории, а также активная переводческая деятельность, которая прервалась только с началом военных действий между Россией и Турцией осенью 1914 года. На старо- и новосирийский язык был переведён почти весь православный богослужебный круг. Переводы совершались не только с русского на сирийский, но и с сирийского на русский: особое внимание уделялось публикациям житий древних местных святых, малоизвестных или почти забытых. Тем самым сотрудники Миссии старались возродить традиции местной святости первых веков христианства, для того чтобы Персидская Церковь строилась на собственном древнем фундаменте. В декабре 1915 и начале 1916 г. несторианский патриарх-католикос Мар-Шимун приезжал в Тифлис, где был награжден почётным российским орденом, как союзник России и выразил желание перейти со всей остававшейся ещё в несторианстве паствой под омофор Русской Церкви. Только революция 1917 года помешала осуществлению этого намерения.

Учреждению Российской Духовной Миссии в Корее предшествовало стихийное переселение корейцев на территорию российского Южно-Уссурийского края. В то же время в самой Корее в конце XIX века росло влияние России, в которой корейцы видели альтернативу усилению японского присутствия (завершившегося в 1910 г. присоединением Кореи к Японии). Как и в других восточных российских миссиях, перевод на местный язык Священного Писания и богослужебных книг был насущной необходимостью миссионерской работы в Корее. Здесь начальнику миссии помогали русскоподданные корейцы, окончившие русские миссионерские школы в Южно-Уссурийском крае. Привлекались также переводы с церковнославянского и русского на китайский, сделанные в Пекинской Духовной миссии и присланные в Сеул по просьбе русских миссионеров, поскольку корейцы знакомы были с китайской письменностью. По замечанию русских миссионеров, корейцы легко воспринимали обрядовую сторону богослужения, им особенно близки были в православии поминальные службы, так как культ предков был их древним вероисповеданием. После Русско-японской войны 1904–1905 гг. положение русских миссионеров в Корее осложнилось. Тем не менее именно в период с 1906 по 1917 г. наблюдается максимальный подъём деятельности Корейской миссии, и связан он с именем архимандрита, затем епископа Павла (Ивановского), который за время своего настоятельства крестил 322 корейца, создал пять миссионерских станом, семь школ для корейских детей с 20 учителями и 250–260 учащимися, а также четыре молитвенных дома (в городах Кёхе, Каругай, Сончон, Ильсан).

В 1907 г. во Владивостоке, где проживало около десяти тысяч корейцев, было устроено подворье Российской Духовной Миссии в Корее и была освящена домовая церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», в память погибших в боях с японцами русских воинов. Посетивший эту страну в 1909 г. синодальный миссионер протоиерей Иоанн Восторгов писал: «По всей Корее господствует убеждение, что принятие христианства целым народом спасёт корейский народ от поглощения японцами...»¹. «Дай Боже, — писал архимандрит Павел, — чтобы над Кореей скорее воссияло солнце Православия, воссияло уже светом невечереющим...»². В дальнейшем революция 1917 года в России, лишившая Миссию финансирования, исходившего от Синода, поставила ее на грань выживания.

Особую страницу истории русской православной миссии представляет собой история русского Православия на Американском континенте. Она начиналась на Аляске, которая была в конце XVIII века частью Российской империи. Географическое положение вблизи континента Евразии, а также близость коренного населения (алеуты, эскимосы, индейцы) к этносам евразийского Севера и Сибири сделали православное просвещение Аляски естественным продолжением внутренней миссии (так, святитель-миссионер митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов) именуется апостолом Сибири и Аляски). Особенностью христианского просвещения Аляски являлось то, что здесь первыми миссионерами были не духовные лица, а миряне — русские купцы и промышленники, обучившие местное население основам веры и молитвы. Русские пришли сюда прежде других христианских конфессий, так что «западные путешественники, впервые посетившие Аляску, уже застали там русских, которые вместе с туземцами совершали христианские молитвословия по восточному обряду»³ — это уникальный случай: как правило, русские подвижники приходили на почву, уже не одно столетие работали христианские миссионеры — так было в Японии, Китае, Персии, Корее. Поэтому «Православие стало неотъемлемой частью культуры населения Аляски»⁴. Продажа Аляски Американским штатам в 1867 г. не остановила православную проповедь на континенте. Напротив, к 1917 году Североамериканская епархия Русской Православной Церкви распространилась на всю территорию Соединённых Штатов и Канады, причём кафедра правящего епископа из Ситхи была перенесена сначала в Сан-Франциско (1881), а затем в Нью-Йорк

¹ *Иннокентий, иером., Прозорова Г. В.* Рассказ о первом викарии Владивостокско-Камчатской епархии епископе Павле (Ивановском) // сайт Владивостокской епархии Русской Православной Церкви <http://orthodox.fegi/prav3.htm>.

² Цит. по: *Августин (Никитин), архимандрит.* Русская Православная Миссия в Корее // *Православие на Дальнем Востоке.* Вып. 1. СПб., 1993. С. 138–139.

³ *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси.* К читателю // Митрополит Климент (Капалин). *Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 г.* М., 2009. С. 6.

⁴ Там же. С. 7.

(1905). В силу своего полиэтнического характера Русская Православная Церковь стала колыбелью для множества национальных православных общин, обретших позднее статус епархий различных национальных Православных Церквей на Североамериканском континенте. Особенно большое развитие Северо-Американская епархия получила под управлением (1898–1907) епископа Тихона (Беллавина), будущего Патриарха Московского и всея России. К 1917 году Русская Православная Церковь имела в Северной Америке 4 викариатства, 272 прихода, 242 священнослужителя и до 500 000 прихожан. В 1907 г. был созван Первый Всеамериканский Православный Собор. В Русской Церкви обсуждался вопрос о путях предоставления американской епархии большей самостоятельности с перспективой создания самостоятельной Американской Поместной Церкви.

Итак, духовное присутствие православной России во внешнем мире так или иначе влекло за собой возникновение православных храмов, монастырей, церковных общин, духовных миссий и других свидетельств и памятников этого присутствия. К 1917 г. Русская Православная Церковь имела пять зарубежных Миссий — в Палестине, Персии (Иране), Китае, Японии, Корее, — и Северо-Американскую епархию, активно занимающуюся миссионерской работой и включавшую в себя до 1917 г. почти всех православных жителей США (в том числе греков, албанцев и др.). Русские монастыри, скиты, храмы были основаны близ святынь Ближнего Востока и Балкан. Десятки русских храмов были построены в Западной и Центральной Европе. После революции 1917 г. миллионные потоки эмигрантов из России нашли в разных уголках мира эти приходы, монастыри, храмы и Миссии как естественную опору для выживания, как частицы родной страны на чужбине. Именно эти существовавшие уже в разных странах к 1917 году островки Православия в русской его «транскрипции» позволили колоссально выросшей русской диаспоре в XX веке сохранить свою русскую идентичность и тем самым не стать «потерянными поколениями» для своей страны, но обогатить ее духовное достояние своим особенным, неповторимым историческим и духовным опытом.

После Октябрьской революции 1917 г. в результате поражения белого движения в ходе Гражданской войны 1918–1920 гг. Россию покинуло около двух миллионов представителей эмиграции, не смирившихся с победой советской власти, в значительной степени представлявших «цвет нации». Из них более 200 тысяч к началу 1920-х гг. поселилось в странах Балканского полуострова, прежде всего в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославии). Такое количество эмигрантов способствовало значительной активизации русской церковной жизни. В числе покинувших Россию было более тысячи священнослужителей, в том числе свыше сорока архиереев; только в Сербскую Православную Церковь приняли на службу 250 русских священников, в Болгарскую Церковь — около 100 и т. д.

Русские послереволюционные эмигранты, так называемые эмигранты «первой волны», не чувствовали себя «аутсайдерами» новой российской истории, но равноправными ее творцами, представителями подлинной России в полном смысле этого слова. После 1917 г. в эмиграции не переживалась и не консервировалась, но также продолжалась русская история как история народа, объединенного общностью судьбы, веры и предназначения. Несмотря на резкое неприятие послереволюционного режима в стране, эмигранты чувствовали необходимость духовного единства со своим народом, с теми, кто, оставшись на родине, внутренне не принял ее новой политической реальности. В экстремальных условиях мирового политического кризиса и изгнания становилось особенно очевидным, что главным духовно объединяющим началом является Церковь, по природе своей стоящая выше государственных, национальных и, в конечном счете, политических границ. «Русской эмиграции... грозит распыление, денационализация, потеря связи с Россией, с русской землей, с русским народом... — говорилось в редакционной статье первого выпуска издававшегося в межвоенный период в эмиграции журнала «Путь», одной из тем которого была рефлексия русской религиозно-философской мысли на современную историческую ситуацию. — Лишь напряженной духовной жизнью, лишь верностью идее России может русское рассеяние сохранить себя как единый русский народ, органически связанный с русским народом, в Советской России сохранившим верность той же идее... Единство устанавливается духовно, и русским его нужно искать вокруг Православной Церкви. Только через Православную Церковь эмиграция может ощутить себя единым русским народом. Только в религиозном движении русские в России и русские за границей составляют единый духовный организм»¹.

Таким образом, годы, последовавшие за революцией, прошедшей под лозунгами атеизма и антиклерикализма, не только не уничтожили, но обострили в русском обществе религиозное переживание происходящего. Более того, в 1920–30-е гг. в эмиграции пришло новое осознание Православия как основы народного бытия: «Русская идея всегда была религиозной идеей. Это есть идея Святой Руси...» — писал эмигрантский «Путь»². Отсюда, от этого понимания роли Православия в жизни России следовало осознание положительного смысла массового русского «исхода» в сложившихся исторических условиях. Русская эмиграция первой волны осознавала себя свободным голосом всего русского народа, лишённого свободы у себя на родине. В «программной» речи И. А. Бунина «Миссия русской эмиграции», произнесённой в Париже 16 февраля 1924 г. и имевшей большой общественный резонанс, говорилось, что миссия русских

¹ Духовные задачи русской эмиграции // Путь. Орган русской религиозной мысли. Париж: Издание религиозно-философской академии, 1925. №1. С. 4.

² Там же.

эмигрантов заключается прежде всего в свидетельстве миру о том, что не поработённый коммунизмом русский народ продолжает существовать, причём по обе стороны российских границ: «Мы делегаты... от имени России: не той, что предала Христа за тридцать сребреников, за разрешение на грабеж и убийство, и погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы, а России другой, подъяремной, страждущей, но все же до конца не покоренной»¹. Иначе говоря, пребывание в изгнании было осознано русскими эмигрантами как миссия, как историческое задание — сохранения и развития русской православной духовности и культуры, прежде всего для самой России: «Задача лучшей части русской эмиграции лежит более всего в области духовной культуры и религиозной жизни. Русская эмиграция призвана хранить преемственность русской духовной культуры и в меру сил своих способствовать её творческому развитию»².

В то же время русские изгнанники увидели позитивный смысл своего всемирного рассеяния и в том, чтобы не только сохранить, но и донести тысячелетний духовный опыт своей страны другим народам и странам. «Есть ещё одна миссия... русской эмиграции — писал Н. А. Бердяев. — Не случайно русские православные люди приведены в тесное соприкосновение с западным миром, с христианами Запада. Православие имеет вселенское значение... оно должно стать духовной силой, действующей в мире»³. По свидетельству Н. А. Бердяева, его благословил на эмиграцию св. прав. Алексей Мечев словами: «Вы должны ехать. Ваше слово должен услышать Запад»⁴. Существует свидетельство, что Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон видел положительные стороны того, что за границей оказалось так много чад Русской Церкви, считая, что они будут способствовать укреплению Православия в мире. Замечательно сформулировал эту же мысль Д. С. Мережковский, сказавший о русских эмигрантах «первой волны»: «Мы не в изгнании, мы в послании». Действительно, в результате массовой эмиграции из России Православная Церковь в целом по-новому предстала перед западным миром. Российские эмигранты попали в ситуацию, когда им предстояло свидетельствовать свою веру другим. Феномен русского зарубежья XX века заключался в его служении вечным истинам и в ознакомлении мировой общественности с российскими вековыми культурными, нравственными и религиозными ценностями.

1920–1940-е гг. представляли собой уникальный период, когда русское духовенство играло значительную роль и в общей религиозной жизни Восточной Европы. Оно зачастую выступало инициатором многих

¹ Бунин И. А. Миссия русской эмиграции // royallib. ru

² Духовные задачи русской эмиграции. С. 4.

³ Духовные задачи русской эмиграции. С. 5.

⁴ Струве Н. А. К 50-летию со дня смерти Николая Бердяева // Струве Н. А. Православие и культура. М., 2000. С. 163.